

маркировкой собственной этничности. Даже наоборот. Положено было этикетно говорящему эту истину отослать представителю другого этноса: «один ногаец сказал...», «один грузин сказал...». Все изложенное выше, кажется, помогает дать ответ на эту загадку. Он заключается в устойчивости этики жизни (биоэтики) у вайнахов. В условиях, когда этика жизни дает предпосылки социальным нормам и знаниям, она наполняет их всеобщностью. Понятие «человечности» (*адамалла*) пронизывает весь чеченский менталитет. Но оно и не стало формализованным и в результате не заняло самой высокой иерархической ступени. Это снимает вопрос об этнической исключительности. Поэтому сейчас слово «чеченство», несмотря на попытки введения его в жизнь, многими носителями культуры активно не приемлется.

Примечания

- ¹ *Мамакаев М.* Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973. С. 49.
  - ² *Ваганов Я. С.* Вайнахи и сарматы. Грозный, 1990. С. 90.
  - ³ *Джалабадзе Г. В.* Путеводитель по Музею Грузии. Тбилиси, 1985. С. 25.
  - ⁴ *Алироев И. Ю.* Язык, история и культура вайнахов. Грозный, 1990. С. 348.
  - ⁵ *Ахмадов Ш. Б.* Имам Мансур. Грозный, 1991. С. 88.
  - ⁶ *Гуревич А. Я.* Средневековый мир. М., 1990. С. 325—326.
  - ⁷ *Бажноков Б. Х.* Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.
- Хасиев С. А.* совместно с автором принял активное участие в сборе материалов и в разработке проблем чеченского этнического менталитета. С. А. Хасиев начал свои этнографические изыскания в Чечне еще в 1960-е годы. Огромную роль в пополнении его знаний и ориентации сыграл его покойный отец Адам Хасиев, кузнец из с. Курчалоя. Собранные материалы бесценны не только для познания прошлого вайнахов. Характеризуя истоки вайнаховской натурфилософии и метафизики, эти данные дают уникальную возможность обнаружить системное качество в казалось бы разрозненных чертах этнического менталитета. Это качество является глубинной порождающей структурой этнического менталитета.
- ⁸ *Даль В.* Толковый словарь русского языка. Т. 2. М., 1881. С. 284.

Woman in the Chechen Ethics (essay of a Circassian mentality)

Chechen etiquette and value systems are the object of the paper. Female personages of the Circassian mythology are characterized and basic oppositions of ethnic mentality are reconstructed.

Ya. V. Chesnov

© 1994 г., ЭО, № 5

Нэнси Рис

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ВЗГЛЯД АМЕРИКАНСКОГО ЭТНОГРАФА

«Мужчины рациональны, женщины эмоциональны. Мужчины думают головой, женщины — сердцем. Мужчины — существа безрассудные, безответственные, и только женщина способна держать их в рамках. Мужчины по природе своей сексуально распушены, и, чтобы удержать их при себе, женщинам надо очень и очень стараться. Мужчины — это сила, женщины — слабость».

Я привела примеры распространенных среди современных россиян гендерных

стереотипов. Подобные высказывания звучат довольно эмоционально из уст как женщин, так и мужчин; противоречивость многих из таких суждений (например, что мужчины «по природе» и рациональны, и безответственны, хотя рационализм, казалось бы, должен порождать в человеке чувство ответственности) никого не смущает. Конечно, люди признают, что бывают разные характеры: с одной стороны, серьезные, порядочные мужчины, а с другой — беспутные пьяницы; точно так же есть гордые, спокойные женщины, но есть и сварливые сплетницы. В суждениях русских о половых различиях людей присутствует ряд неоднозначных характеристик, и тем не менее у них имеются вполне определенные представления об основных, «естественных» качествах мужчин и женщин.

Я ставлю в кавычки слово «естественный», так как именно это понятие играет решающую роль в восприятии социально значимой разницы между полами. Почему? Да потому, что представления людей о «естественном» и «противоестественном» очень широко варьируют. По поводу того, что предопределено природой, существует столько же мнений, сколько есть на свете обществ, культур и субкультур. Некоторые народы считают, что женщины агрессивны и склонны к насилию, а мужчины тихи и пассивны. В других обществах, например у балийцев (Индонезия), полоролевые различия почти не заметны, и мужчины и женщины принимают практически одинаковое участие во всех сферах деятельности. Есть и такие культуры, представители которых не думают, что полов два: некоторые народы Новой Гвинеи, к примеру, убеждены, что их три: мужской, женский и средний — нейтральный. Иные народы того же острова верят в то, что в начале жизни мальчики и девочки сильно отличаются друг от друга; становясь же старше, они как бы постепенно меняются друг с другом своими характеристиками. Одни виды пищи считаются более женскими, другие — более мужскими, поэтому мужчины едят мужскую пищу, а женщины женскую, чтобы как можно дольше сохранить в себе соответствующие качества.

Если говорить о европейских и азиатских обществах, то между ними, несомненно, существует значительное сходство в общих представлениях о мужчинах и женщинах. Наиболее заметной чертой культурной идеологии является соотнесение мужчин с обществом, а женщин с природой. Такая идеология находит свое отражение и в языке, и в художественном творчестве, и даже в науке. Основное тут — символическое противопоставление мужчин, как существ более «окультуренных», общественных, женщинам — существам, более близким к природе. Это всеохватывающее отождествление женщин с природой, а мужчин с обществом породило ряд двойных оппозиций, таких, как: жизнь женщины мотивирована биологически, а жизнь мужчины — социально; у женщины на первом плане тело, а у мужчины — мысль; женщины руководствуются страстями и инстинктами (материнскими, воспитательными), тогда как мужчин направляет их рассудок и интеллект: место женщины — в кругу семьи, в то время как сфера мужчины — это общество, политика, бизнес. Разумеется, в разных обществах считающиеся естественными «природность» женщин и «культурность» мужчин акцентируются сильнее или слабее, им придается большая или меньшая ценность, они легче или труднее воспринимаются.

Будучи этнографом, изучающим современную русскую культуру, я стремлюсь понять, какую роль играют полоролевые оппозиции в социальной и экономической жизни россиян. Разумеется, иностранный наблюдатель едва ли может проникнуть в невероятно сложную систему этнической культуры дальше познания самой общей ее схемы. К тому же система эта постоянно находится под влиянием таких внеэтнических факторов, как индивидуальная психология, образование, семейное положение, профессия, наконец, цепь случайностей в судьбах отдельных людей. Тем не менее многочисленные беседы с различными людьми дают возможность довольно полно представить себе

взгляды того или иного народа на мужчин и женщин с точки зрения их характерных свойств и исполняемых ими социальных ролей.

Каковы же основные особенности восприятия русскими половых различий? Считается, что женщины обладают определенными, только им свойственными чертами характера, привычками и склонностями, например большей эмоциональностью и меньшими способностями к научной и вообще умственной работе. Они предпочитают домашний труд и благодаря «природным способностям» достигают в нем необычайных успехов. Один мужчина сказал мне: «Все женщины умеют готовить и печь пироги, а мужчины на кухне просто тупеют». Сфера женского творчества — это дом, семья, воспитание детей, а также «чисто женские» ремесла: шитье, вязание, вышивание. Бытует мнение, что женщинам не дано разбираться в машинах, электронике, вообще в технике, где мужчины, конечно же, явно преуспевают. Женщины даже автомобиль как следует водить не мрут.

Что касается отрицательных качеств, то женщины имеют репутацию недалеких, болтливых, педантичных, поверхностных, подверженных предрассудкам созданий, которых не интересуют «по-настоящему важные» события и мировые проблемы. Они разносят сплетни, все про всех знают, тщеславны и заносчивы, мелочны и пошлы. В то же время, если женщины работают в государственных структурах, они превращаются в «непрошибаемых» командирш, которые, имея бюрократическую власть, распоряжаются ею нерационально и во зло делу.

К мужским отрицательным чертам относятся якобы «врожденные» безответственность, склонность к лени и пьянству, «рисковость» и безалаберность. В телевизионном интервью одна женщина даже сказала так: «Мужчины — сумасброды, с которыми нужно обращаться, как с собаками». Мужчины не могут без женщин: они не в состоянии сами о себе позаботиться, ждут, пока матери, жены, сестры, сослуживицы похлопочут, попереживают за них и вообще будут всячески «руководить и направлять».

Самое положительное в женщине, считают русские, — это ее геркулесова выносливость и способность держать в руках все дела семьи (в которую нередко включаются и престарелые родители), работать, ходить по магазинам и в то же время «следить за собой», стараясь быть привлекательной. Последнее женщины очень ценят и почти соревнуются в том, кто принесет большие жертвы семье и при этом сохранит женское обаяние и достоинство. Еще женщины гордятся тем, как они добродушно сносят постоянные подтрунивания мужчин по поводу своих пресловутых глупости, придирчивости и мелочности.

Мужчин больше всего ценят за серьезность. Их очень уважают, если они не пьют, ответственно относятся к работе и семье. Мужчин считают природой предназначенными к научной, интеллектуальной деятельности, к политике, лидерству, способными управлять обществом и заниматься высоким искусством. Мешают же их мужскому успеху в основном две вещи — алкоголь и плохие жены, которые не в состоянии им «обеспечить тылы».

Очевидный парадокс заключается в том, что 70 лет коммунистической идеологии и соответствующего образования, пропаганды и социалистического реализма, а также официальных стараний внедрить в общество идею равенства женщин и равного их участия в общественной жизни мало чего достигли в поднятии статуса женщин как в умах людей, так и в реальной действительности. В российском обществе до сих пор царят древние, архаические половые стереотипы. Предпринималось немало символических попыток показать, что советская женщина освободилась от оков неравенства. Был ли, например, полет первой женщины-космонавта Валентины Терешковой полностью свободен от пропагандистской нагрузки? Десятки анекдотов, в том числе неприличных, которые ходили в России о Терешковой после ее космической одиссеи, показывают, что к претензиям женщин на равенство (и к официальным

потугам это равенство обеспечить вкупе с пропагандистской показухой по этому поводу) русские по большей части относятся с презрением.

Реальным же следствием сочетания архаических, но живучих половых стереотипов и коммунистической пропаганды оказалось то, что в общественном сознании сложилось два противоположных образа женщины: с одной стороны, славянская Мать-земля, кормилица, полностью отдавшая себя заботам о муже-патриархе и детях, а с другой — современная женщина, трудящаяся бок о бок с мужчиной, хотя на самом деле, конечно, не бок о бок, поскольку женщина «от природы» не такая способная. Вот этот последний пункт, оставшийся от прежней идеологии, и объясняет видимый невооруженным глазом крен в распределении работ, будь то в колхозе, на фабрике, в роскошном офисе на 19-м этаже или в метро: женщины делают более «простую» работу, а мужчины — более «технологически сложную», что нередко значит физически более легкую и приятную.

Помимо этих двух взаимоисключающих и труднодостижимых идеалов есть еще один, который по мере сил стремятся воплотить женщины, желающие иметь «настоящий» успех. Я имею в виду образ уверенной в себе, обворожительной красавицы. Отчасти этот идеал восходит к дореволюционной традиции, хотя в основном он формируется под влиянием буржуазной западной моды. Таким образом, кроме матери-земли и труженицы в обществе развитого социализма женщина должна была быть еще и модницей, и красавицей.

Действительно, на московских улицах можно видеть много прекрасно одетых, ухоженных женщин, несомненно, способных конкурировать с западными модницами; мужчины же москвичи, кажется, все одеты в грязные синие куртки, все курят и плюют на тротуар. Возможно, это преувеличение: на улицах немало и опрятных, прилично ведущих себя мужчин. Совершенно очевидно, женщины требуют от самих себя гораздо больше, чем от мужчин. И это тоже результат действия стереотипов: женщина должна быть привлекательна «как женщина» (что весьма высоко ценится и тем не менее нередко осуждается); мужчине же, чтобы в глазах общества быть «хорошим», совсем не обязательно заботиться о своей внешности, следить за модой и вообще стараться понравиться, одним словом, делать все то, к чему женщин подвигает их «природа».

Из-за своего второстепенного положения в обществе и психологической приниженности, связанных прежде всего со всемогущими половыми стереотипами (которые люди считают созданными природой, а значит, неизменными), русская женщина вынуждена «раздвигаться», «растраиваться», выворачиваться наизнанку и «расшибаться в лепешку», поскольку она «и швец, и жнец, и на дуде игрец» и должна успеть все и везде. Главный способ противостоять социальному и эмоциональному притеснению, основанному на идеологии «врожденной» женской неполноценности, — это ежедневная демонстрация женщиной своей выносливости и способности безупречно выполнять возложенные на нее обязанности. Мужчинам для обретения чувства собственного достоинства нет необходимости играть более одной роли, поскольку жизнь российского общества убеждает его в том, что он — существо высшего порядка, а следовательно, может не слишком напрягаться.

Основным препятствием к преодолению этих стереотипов, порождающих отрицательные психологические, моральные, а в конечном итоге и социальные явления, остается глубочайшая вера в их «естественность». Люди убеждены, что поведение мужчин и женщин и проявляемые ими личностные свойства обусловлены или различиями в структуре мозга мужчин и женщин, или генетическими особенностями, или гормональной деятельностью — короче говоря, «биологией».

Лет 30 назад, до того как представление о природных истоках полоролевых различий подверглось сильному сомнению, подавляющее большинство американцев тоже верило во «врожденность» поведения полов. В нашей

системе полоролевой идеологии много общего с русской, но в ней есть и свои особенности. Основные противопоставления здесь следующие: женщина слаба — мужчина силен; женщина эмоциональна — мужчина рационален; женщины воспитывают — мужчины побеждают; женщины мягкосердечны — мужчины «круты»; женщины «делают» детей — мужчины «делают» деньги; место женщины дома — мужчины — на службе (в политике, на войне, в партии). Тут легко просматривается буржуазная система ценностей, образ мысли, который многие современные русские мужчины и женщины пытаются принять для себя; при этом женщины видят в нем оправдание своего желания уйти от жестких требований нынешней «женской жизни». Похоже, период перестройки возвестил начало «буржуазному» периоду в жизни россиян, когда многие женщины хотели бы стать домашними хозяйками, а деньги зарабатывал бы муж.

Однако дело в том, что эта буржуазная ментальность несет женщине тот же гнет, поскольку зиждится на тех же умахляющих ее равенство стереотипах, требующих от нее соответствия образу хорошенькой, покладистой, сексуальной женушки и доброй мамочки, только и ждущей приказаний мужа и сына, чтобы кинуться исполнять их. Во времена моего детства в США на телевидении, в журналах, газетах, книгах и в жизни культивировалось в основном два образа женщины. Это либо хорошая, порядочная жена, либо пикантная сексуальная кошечка. И насколько женщине удавалось создать тот или другой образ, настолько она чувствовала себя «нормальной» и «правильной». Конечно, всегда есть исключения. Впрочем, они, как известно, лишь подтверждают правила. О самостоятельной, талантливой, компетентной, интеллектуальной женщине, например враче (до недавнего времени в США врачами были почти исключительно мужчины), могли писать в журналах или рассказывать по телевизору, но не иначе как с благоговением, как о «редком экземпляре» — ведь она достигла успеха в «чисто» мужском деле!

Потрясающим достижением в борьбе за освобождение женщин в Соединенных Штатах (и вообще на Западе) явилось то, что сейчас прежние полоролевые стереотипы почти не имеют хождения. Женщины проникли буквально во все сферы человеческой деятельности, показав при этом, что они ничуть не менее интеллектуальны, способны к науке, продуктивны и изобретательны, чем мужчины. Женщины потребовали и после нелегкой борьбы добились места во властных структурах, причем речь идет не о символических постах, над которыми можно только потешаться, а о реальных власти и статусе и сопровождающем их неподдельном авторитете. Вместе с тем самое важное достижение феминистского движения лежит в сфере психологии: новым поколениям больше не внушается мысль, будто женщина «от природы» ниже мужчины; над детьми уже не тяготеет такое чувство, что они «от природы» лучше или хуже других в зависимости от своего пола.

Следует сказать, что феминистское движение в США отнюдь не завершилось. Во-первых, еще многое нужно сделать, чтобы привить обществу уважение ко всем женщинам, а не только к образованным представительницам среднего класса, в наибольшей степени выигравшим от деятельности феминистов. Во-вторых, необходимо значительно поднять во мнении общества те жизненные сферы, которые исконно считаются женскими (дом, семья, школа, социальная служба) и которые в маскулинной культуре по придаваемому им значению всегда идут далеко позади политики (с ее явной или скрытой подготовкой к войне), тяжелой индустрии, «большой» науки и грандиозных технологических проектов. Сейчас в Америке идет активная работа именно в этом направлении — смягчить маскулинный дух культуры, стимулировать «человеческие» потребности в людях.

Вернемся, однако, к вопросу о полоролевых стереотипах в современной культуре россиян. Когда я рассказывала о феминистском движении русским женщинам, многие из них говорили, что в России подобное движение невозможно

до тех пор, пока не улучшится экономическая ситуация. Безусловно, особенности экономики играют значительную роль в формировании различных полоролевых идеологий, но вопрос о том, что «первое» — экономические или идеологические преобразования, вроде спора о яйце и курице, весьма дискуссионный, а в деле борьбы с угнетением он вообще похож больше на отговорку, увертку.

Системы подавления невероятно сложны; множество форм и всепроникающий их характер внушают убеждение в их несокрушимости. Однако именно по той же причине эти системы можно атаковать с самых разных позиций и самыми разными средствами. Им могут бросить вызов как бедные, так и богатые, те, кто облечен властью, и те, кто, казалось бы, совсем бесправен; с ними могут бороться отдельные личности и организации, в кругу семьи и на попроще общественной деятельности, с помощью как символических, так и политических акций.

Ключевой для системы угнетения, о которой мы говорим, является ее претензия на «естественность»: ссылка на «природу» всегда служила убедительным для масс объяснением любого гнета. И русским женщинам, чтобы начать свое освобождение, следует воспользоваться наиболее простым способом: выражать сомнение в «природности», «изначальности» неполноценности женщины по сравнению с мужчиной всякий раз, когда они сталкиваются с таким взглядом, а не сидеть безучастно, а то и самим высмеивать женщину за ее «врожденные» глупость, легкомыслие, тщеславие или иные пороки.

Я считаю, что бесконечная женская выносливость и самоотверженное служение мужчинам, семье и государству только поддерживают и продлевают социально-экономический кризис в России. Когда же русские женщины начнут всерьез выражать недовольство своей излишне, а порой и трагически тяжелой, унижительной жизнью? Когда они станут вести себя так, чтобы их не смели угнетать и эксплуатировать?

Разумеется, сетования женщин слышатся повсюду: на улице, в магазинах, в транспорте, на работе, среди друзей, в газетах. Но, по всей видимости, на них никто не обращает внимания — отчасти, быть может, потому, что женщины считаются «прирожденными» нытиками и ворчуньями. Так что с их вечными жалобами просто «ничего не поделаешь», остается только отшучиваться или притворно вздыхать вместе с ними (в коридорах власти это делают немножко тоньше). Женщины тоже вздыхают и возвращаются на свои кухни, чтобы приготовить очередной обед из хилого кочана капусты, который они смогли купить в магазине. Когда, наконец, женщины отринут все насмешки и покровительственные утешения и решительно, как героини «Лисистраты», заявят о своем праве на уважение, на серьезное к себе отношение, на то, чтобы общество реагировало на их проблемы заботой, а не репрессиями?

В ответ на это я могу услышать (как от мужчин, так и от женщин), что нечего, мол, иностранцам вмешиваться не в свое дело: вам, американцам, с высоты вашего благополучия легко советовать русским, как им друг к другу относиться. Кроме того, в каждом обществе есть свои традиции, и представители других культур не могут объективно судить о них. Возможно, это все верно. И все же идея «традиции» очень напоминает идею «природы» в том смысле, что она претендует на истинность хотя бы уже потому, что она — традиция. А можем ли мы отдавать на откуп этой, с позволения сказать, «традиции» право поддерживать идеологию притеснения? Русские женщины защищают себя от боли унижения тем, что гордо демонстрируют свою якобы неисчерпаемую энергию и неуязвимость для обид да еще и сами посмеиваются над инфантильностью и прочими «грехами» мужчин. Таким образом, все вроде бы квиты, и ... все остается по-прежнему. Вместо того чтобы находить пути к гармоничному общению, мужчины и женщины вступили в противоборство как непримиримые противники и беспрестанно наносят друг другу чувствительные удары.

Несомненно, что господствующие иные полоролевые стереотипы причиняют

вред обоим полам. Вместе с образом непрактичного и безответственного человека, который мужчины молчаливо принимают, они безропотно соглашаются и с доминированием женщин в домашнем быту. На первый взгляд сверхактивность и сверхзаботливость женщин освобождают мужчин от беспокойства о семье и от домашней работы. Но если взглянуть глубже, то такое охранительное поведение женщин воспитывает в характере мужчин свойство зависимости и не дает им почувствовать в себе уверенность, смелость, самоуважение, столь необходимые для того, чтобы противостоять давлению могущественных сил в других сферах общественной жизни. В результате мужчины, которых описанное выше отношение женщин как бы уподобляет детям, оказываются не в состоянии ни сопротивляться неблагоприятным социальным условиям, ни работать в полную силу в своей собственной профессии. И вся власть мужчин в обществе на деле оказывается столь же иллюзорной и хрупкой, как и их власть и превосходство над женщинами.

Хотя в этой статье я откровенно выступаю на стороне женщин, я убеждена, что отказ от стереотипов будет благотворен для общества в целом, так как высвободит немалый личностный и общественный потенциал, ныне скрытый из-за слепого шаблонного мышления. Так было в США, где успешное феминистское движение дало толчок появлению аналогичного, хотя и менее масштабного движения за освобождение мужчин и вообще за критический пересмотр многих традиционных ценностей. Такая же мирная культурная революция могла бы и в России принести громадные положительные результаты в политике, экономике и в личной жизни ее граждан.

Gender Stereotypes in Russia: An American Ethnographer's View

The author deals with the gender stereotypes encountered among the contemporary Russians, trying to understand the role these stereotypes play in social and economic life. The most obvious trait shared by the Russian culture with most of the European and Asian cultures, is the ideological association of men with society and women with nature, and the main obstacle to challenging these socially harmful stereotypes, entailing woman's inferior social status, is the belief in their «naturalness». The point is that a more general questioning of all stereotypical cultural values can benefit the entire society, since it could unlock individual and group potential which is being suppressed by the stereotypical thinking.

N. Ries

* * *

Н. Н. Кулакова

Думаю, многое из того, о чем рассказала американский антрополог (грамматический род существительных в русском языке не всегда позволяет обозначить пол представительницы той или иной профессии) нашим читателям — обоюбого пола, надеюсь, — было внове. Кому из нас приходило в голову, что женщина готовит пищу для семьи и вообще работает по дому не потому, что она физически слабее мужчины (которому когда-то, в глубокой древности, нужно было и охотиться, и защищать соплеменников, и делать другую тяжелую работу), и не потому только, что она рождает детей (а значит, не может слишком «удаляться» от дома — ни физически, ни духовно), а потому, что такое распределение ролей в обществе диктует наша традиционная культура.

Возникает вопрос: а не следует ли культура за природой, повинуюсь естественному разделению между мужчиной и женщиной обязанностей перед биологическим видом, и поэтому привязывает женщину к дому, где выжидается потомство, а мужчину отпускает в мир, в общество? Ответ был

бы положительным, если бы мы находили одинаковое разделение труда между полами у всех народов, во все времена и если бы это разделение связывалось только с разницей в физической силе и в репродуктивных функциях. Однако нормы полового разделения труда совсем не одинаковы в разных человеческих обществах. В древнем Египте, например, мужчины ткали, а женщины торговали на базаре. У некоторых современных, правда «отсталых», народов Африки и Австралии женщины путем собирательства добывают больше половины пищевых ресурсов для своих общин, мужская же охота приносит лишь 20—30% пищи. У филиппинского народа атта женщины наравне с мужчинами участвуют в охоте на крупных животных. Я намеренно привела такие примеры, которые свидетельствуют о том, что женщины успешно делают, казалось бы, сугубо мужскую работу, а мужчины — женскую. Что касается исключительно женских функций, связанных с деторождением, то они, конечно, определяют универсальную норму, согласно которой главная ответственность за воспроизводство и воспитание потомства лежит на женщине. Но сколько детей рождает женщина, кому они принадлежат, кто за ними надзирает, где, до какого возраста и как содержатся дети — все это регламентируется не биологически заданной способностью женщин к материнству, а социально-культурной системой того или иного общества.

Нам всем слишком хорошо известно разделение труда между полами в нашем обществе. Достаточно заглянуть, скажем, на заседания властных органов или каких-нибудь научных конгрессов, в студенческую аудиторию в техническом вузе или же зайти в школу, поликлинику, побывать на колхозной ферме. В некоторой степени такое положение характерно и для Соединенных Штатов Америки, хотя иногда в инвертированном виде: среди врачей там, например, больше мужчин.

Помимо связанного с полом распределения видов труда существует еще и их иерархия. Вот тут-то и спрятан корень социального неравенства мужчин и женщин: сферы общественной жизни, занятые мужчинами, считаются важными, значительными и престижными, а деятельность женщин рассматривается как вспомогательная, второстепенная, не заслуживающая ни такого же внимания, ни такой же материальной поддержки. Аналогичная мерка престижности накладывается и на личностные, психологические качества мужчин и женщин. На какой стадии формационного развития человечества произошел этот сдвиг в ментальности? Ученые еще не пришли к окончательному выводу. Но поскольку культура любого общества стойко воспроизводит себя из поколения в поколение, ее фундаментальные черты, в числе которых находится и полоролевая дифференциация, кажутся нам неизбежными и «обжалованию» не подлежащими.

Тем не менее на определенной стадии развития общества у людей возникают сомнения в изначальности, нерушимости и, что немаловажно, справедливости привычного «репертуара» взаимоотношений мужчин и женщин. Под «определенной» стадией я имею в виду такой уровень социально-экономического развития, когда общество, уйдя и отдохнув от изнурительной заботы о «хлебе насущном на каждый день», может себе позволить и оказывается в состоянии открыть нетрадиционный аспект познания собственных основ. Вот почему феминизм, — а читатели, думаю, уже поняли, что мы с американской исследовательницей рассуждаем с феминистских позиций, — возник именно в странах Запада, а наибольшее влияние приобрел в Соединенных Штатах Америки.

Это движение я назвала бы прежде всего интеллектуальным, потому что огромное место в нем занимают научные исследования в очень широком спектре дисциплин, и не только гуманитарных. С феминистским вопросом: «Природа или культура разделяет мужчин и женщин?» изучаются, например, биологией и медициной соматические особенности полов. Собственно говоря, все основополагающие утверждения феминистов базируются именно на данных

антропологии (этнографии), психологии, языкознания, истории и социологии. При этом цель движения — исключение из общественной практики всех видов насилия над женщинами, в том числе и «невидимого миру» духовного, психологического. В нашей стране даже трудно представить себе, какое разнообразие гипотез, объяснений и путей решения этой проблемы предлагают различные течения феминизма. Например, радикальный феминизм даже гетеросексуальную модель половых отношений считает в какой-то мере навязанной людям традицией идеализации, приукрашивания, романтизации любви между мужчиной и женщиной, тогда как в жизни такая модель нередко разочаровывает как женщин, так и мужчин, и многие, если бы не боязнь общественного отвержения, предпочли бы одинокое существование или однополую любовь. А объяснение в духе психоанализа скрытого или явного антагонистического отношения к женщинам выводит последнее из факта полной зависимости ребенка (не важно, какого пола) от матери, зависимости, сопровождающейся чувствами любви / ненависти / страха и проецирующей противоречивый образ матери на всю женскую половину человечества.

Одно из направлений моего интереса — это проявление половой дифференциации и иерархизации в языке. В английском и других европейских языках женские имена, например, часто представляют собой феминизации мужских: Роберта, Генриетта, Шарлотта. Автомобили и пушки (традиционно мужская собственность) в разговорной или шуточной речи — это Бетти, Берта, Бетси. А почему не Джон или Дуглас? Почему жену Джона Джонсона называют миссис Джон Джонс, а не ее собственным именем — миссис Энн Джонс? Как, если для обобщенного обозначения вида имеется слово мужского рода «человек», избежать ассоциации этого вида только с мужчиной? Я не случайно в начале статьи подчеркнула трудность индикации в русском языке пола в названиях некоторых профессий — вернее, пол указывается (или навязывается восприятию) грамматическим родом слов, но всегда только мужской: врач, инженер, геолог, этнограф и т. д. Феминисты первыми призвали преодолевать подобные дискриминирующие особенности языков, т. е. сознательно вводить в речь указания на оба пола при употреблении собирательных обозначений людей и в других аналогичных ситуациях. На Западе существует уже множество специальных словарей и справочников, разрабатывающих такой стиль речи.

Я знаю, что мы только начинаем приобщаться к подобного рода знаниям, и многое в этой области кажется нам по меньшей мере экзотичным, кое-что — вообще неприемлемым. Так же было и в США 30 лет назад, зато теперь благодаря активности феминисток и феминистов американцы уже находятся за той чертой, которая отделяет общество, глухое к голосу женщин, от общества, не побоюсь сказать, серьезно борющегося (с предрассудками и косными социальными установлениями) за равноправное положение истинно, от природы равных половин рода человеческого. Урок для нас!

© 1994 г., ЭО, № 5

Н. Н. Кулакова

ФЕМИНИЗМ И ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ ВОЙНЫ И МИРА В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Выбор для изучения в данной статье именно феминистского подхода к вопросам войны и мира в море американской литературы, конечно же, не случаен. Изучая проблематику той области общественных наук, которая на Западе называется *peace studies*, я довольно долго блуждала в поисках